

**АЛЕКСАНДРА
ВАРЁНОВА**

ПОИСК

ПОКА ЧАСЫ ДВЕНАДЦАТЬ БЬЮТ

Александра Варёнова

Поиск. Пока часы двенадцать бьют

<https://litres.ru/73185798>

SelfPub; 2026

Аннотация

На носу Новый год, а из Центра творчества исчезает восьмилетняя девочка. Расследовать дело берётся капитан полиции Избушкина Ядвига Олеговна. По ходу поисков она сталкивается не только с внешними препятствиями, но и с внутренними демонами: непростые отношения со свекровью, профессиональное выгорание и личные страхи.

А время неумолимо идёт, и каждый час может стать решающим в судьбе маленькой Маши.

Содержание

Двенадцать часов до Нового года	4
Одиннадцать часов до Нового года	13
Десять часов до Нового года	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Александра Варёнова

Поиск. Пока часы двенадцать бьют

Двенадцать часов до Нового года

Нарезая ровными кубиками картошку, морковку и яйца, я мечтала похожим образом расправиться с собственной све-кровью. Эта чудесная во многих отношениях женщина, уме-ющая вязать всё — от беретов до портфелей, — имела один маленький, но существенный недостаток: всегда сваливалась как снег на голову в самый неподходящий момент! И ведь буквально неделю назад спрашивала: «Лидия Степановна, как вы планируете справлять Новый год?» На что меня за-верили: «Какой праздновать, невестка, выпью игристого да спать лягу». Уже тогда меня терзали сомнения, поскольку Лидия Степановна, несмотря на почтенный возраст, при-ближающийся к восьмому десятку, женщиной была актив-ной, шумной. Бегала на лыжах шустрее меня, организовыва-ла концерты и курировала пару детских Центров творчества. Педагог однажды — педагог навсегда, и я приложила нема-ло усилий, чтобы она не лезла в воспитание и образование draжайших внуков.

В запаре годовых отчётов не стала выпытывать, с чего вдруг такое чинное празднование. Даже гиперактивным людям хочется порой тишины и покоя. Накануне праздника свекровь явно успела набегаться по различным мероприятиям. Мне же хватало своих забот-хлопот. Процент висяков оказался выше, чем в прошлый год, пара вещдоков затерялась, так что Крутогоров рвал и метал. Пришлось срочно пытаться коллег, выискивая артистичных, и ставить мини-сценку из микса кавээновских шуток и русских народных сказок. Начальник от такого ошалел, но подобрел. Дал добро тридцать первого отдыхать.

Только какой отдых, когда разрываешься между приведением квартиры в божеский вид и приготовлением салатов на стол. А ровно в тот момент, когда металась между кипящими яйцами и убегаящей с доски свеклой, свекровь «обрадовала» вестью о визите. Вот что за человек? Знает же, кем я работаю и что побыть с мужем в новогоднюю ночь для меня сродни чуду. Так нет же, даже после двадцати пяти лет брака я всё ещё оставалась недостойной её Лёшеньки. К счастью, как внуки выросли и упорхнули из родного гнезда, докучать каждые выходные она перестала. Зато завела дурную привычку подгадывать момент и портить наше супружеское единение!

Так, злясь и костеря свекровь почём лес стоит, успела и селёдку под шубой собрать, и для оливье всё нарезать, и даже овощи с фруктами фигурно настругать. А Лидия Степанов-

на как сквозь землю провалилась. С одной стороны, это меня радовало, но, с другой — вызывало беспокойство. Знато подморозило, мело к тому же, вдруг свекровь упала и ногу сломала? Или вовсе сознание потеряла? Был и ещё один возможный сценарий: накануне праздника на улице хватало неадекватной братии, а у Лидии Степановны язык без костей, замечание запросто могла сделать, устыдить. Большинство особей чуяли педагога со стажем и покорно утихали. Но совсем наклюкавшиеся берегов не знали, могли и напасть на беззащитную старушку!

— Тебе твоя мама не звонила? — обратилась я к мужу, сбега от богатого воображения.

— Нет, а что? — Лёша протирал фужеры от пыли. Рядом посверкивали пара салатниц и ваза для фруктов. К готовке он особого таланта не имел, зато всегда помогал по хозяйству.

— С учётом времени на сборы и на дорогу, с поправкой на болтовню с подружкой и пробки... С полчаса как ей следовало вышагивать по кухне и раздавать мне указания, что и как резать, в какой последовательности и каким ножом.

— Ёжка, не преувеличивай.

— Клянусь, что говорю правду и только правду. — Пафосно прислоняю кулак к груди и фыркаю. — Но если серьёзно, то я даже волнуюсь.

— Может, в магазин зашла? — робко предположил Лёша и провёл по косматой бороде, породившей домашнее про-

звище. — Или знакомую встретила...

— Или отправилась докучать президенту с дельными предложениями о системе образования! — Подняла палец вверх, с содроганием вспоминая все лекции свекрови по этому поводу.

— Она может. — Лёша покачал головой, и тут пронзительный звонок эхом отразился от стен. — Ну слава Богу!

— Ага, вспомнишь солнце, вот и лучик... — пробурчала цензурную версию поговорки и кивнула мужу, чтобы бежал открывать. Я ковылять буду долго и нудно. Пока то, пока сё, поздравления, поцелуйчики, успею немного выдохнуть.

Мои мечты оказались напрасны. Свекровь ворвалась на кухню, словно выжившая после шторма: шуба распахнута, шапка скособочена, глаза расширены, а пальцы сжимают сумку.

— Невестка, выручай.

Начало разговора мне уже совершенно не нравилось...

Через пять минут свекровь, уже без шубы и шапки и с вымытыми руками, сидела в гостиной. На столе стояли кружки с чаем и мои салаты: если уж и вести беседу, то в приятной обстановке. На кухне трам-тарарам, а тут Лёша успел прибраться, пыль протереть, ёлочку нарядную поставить, опять же. Ещё бы огоньки зажечь, и можно хоть на немного погрузиться в праздник. Впрочем, благодатная тишина продлилась

недолго. Отправив в рот по ложке салата и отхлебнув чая, Лидия Степановна заговорила. Голос у неё был глубокий, с хорошей дикцией, негромкий, но привлекающий внимание:

— У нас в центре Новый год справляли, хоровод, Дед Мороз — всё как положено. Только после праздника одной девочки не досчитались. И дома её нет, и куда девалась — непонятно.

— Так, и я тут при чём?

— Ты ещё спрашиваешь, невестка?! — Брови свекрови взметнулись вверх. — Это же ре-бё-нок! Маленькая девочка! Её срочно нужно искать и спасать.

— Вы хотите сказать, поиски ещё не начались? — Внутренне напряглась, предполагая, что ничем хорошим это дело не пахнет.

— Начались, конечно. С собаками brave ребята приехали, всё осмотрели в центре, опросили кого смогли. Да толку...

— А камеры?

— Пфф, инеем покрылись. Мороз-то какой ударил!

— Сколько лет девочке? Как выглядит? Характер? — Лишь выпалив, поняла, что на автомате включила профессионала.

Свекровь отозвалась без запинки, как по заученному:

— Восемь лет, тёмненькая, голубоглазая. Девочка спокойная, послушная, но если чем увлечена — не дозовешься. Брюнетка с голубыми глазами, значит... Необычная

внешность, редкая. Так ещё и запросто могла пойти с любым взрослым, если бы тот позвал или попросил о помощи.

— Девочка из обеспеченной семьи?

— В том-то и дело, что нет. Её бабушка с дедушкой воспитывают. Мать алкоголичка, с отцом тоже мутная история. Он то ли бил, то ли из дома выгнал... Тиран, в общем. — Лидия Степановна, похоже, хотела сказать «абыюзер», да забыла слово. — На отца в первую очередь и подумали, вроде как они со скандалом с женушкой разошлись, и та с дочерью видаться запрещала. Но он на смене был, под камерами работал. В этом, как бишь его, пункте выдачи.

— И у дедули с бабулей хватало средств оплачивать занятия в Центре творчества?

— Ну ты даёшь, невестка! Память как у рыбки. Большинство занятий в центре бесплатные, а платные вполне по карману московским пенсионерам.

Я поджала губы. Сама виновата, что не уточнила, о каком центре речь: один был бюджетным, другой элитным, его чуть ли не дети звёзд и чиновников посещали, и казалось логичным, что переполох возник именно там. А оно вон как.

— Так, ладно, вернёмся к началу разговора. От меня-то вы что хотите? Подключить связи, подкинуть идей...

— О нет, невестка, эти лишние телодвижения ни к чему. — Свекровь снова отпила чай, оттопырив мизинчик, однако не успела я спокойно выдохнуть, как меня огорошили. — Я хочу, чтобы ты лично занялась поисками. Такое происше-

ствие — урон репутации центра. К тому же праздновать Новый год вне дома, в отрыве от семьи для маленькой девочки недопустимо.

— Что?! — Я чуть не поперхнулась кусочком селёдки. — Вы в своём уме? Это не моя юрисдикция, девочку уже ищут, да и год выдался сложным. Я люблю свою работу, но не готова быть бессмертным пони и пахать сутками напролёт.

— Невестка! — Лидия Степановна даже побагровела и пристукнула кулаком по столу. Хрустальные вазочки мелко задрожали. — У тебя что, совсем нет сердца? И прошу выбирать выражения при разговоре со мной.

— Лидия Степановна, — вздохнула, изо всех сил надеясь не сорваться следом за обожаемой свекровью, — я правда устала под конец года, и ночной патруль в мои планы никак не входит. Могу посодействовать и призвать группу Солнцевой вам в помощь. Они хорошие ищейки, быстро на след выйдут, вот увидите.

— У тебя и правда нет сердца. — Свекровь поджала губы, задрала подбородок и, нарочно оттоптав мне ноги, выбралась из-за стола. — Что ж, наслаждайтесь праздником!

— Мама, куда же вы? — наконец подал голос Лёша, всё это время сидевший ниже травы, тише воды.

— В центр, искать Машеньку! — Впервые прозвучало имя пропавшей девочки, и оно идеально легло на тот образ, что успел сложиться у меня в голове. — Раз уж твоя жена отказывается помогать, придётся мне рыскать по снегу в на-

дежде найти оброненную хлебную крошку!

Лидии Степановне стоило играть в театре. Столько патики, столько драмы! Ещё скупой слезы не хватало, чтобы расчувствоваться окончательно. Хотя я глубоко сомневалась, что она лично обыскивала центр и перерывала вещи девочки, скорее грамотно руководила процессом и разводила бурную деятельность.

Лёша тоже выскочил из-за стола, принялся то ли успокаивать свою мать, то ли уговаривать остаться: из коридора голоса слышались приглушенно, не разобрать. В подобии транса доела салат, что наложила себе на тарелку, и захрустела художественно закрученным огурцом. Хотелось прикрыть глаза и стереть из памяти этот вечер, этот разговор. Я так устала, что даже не проверила, что написали мне мои дети, не позвонила подругам, не поздравила коллег из смежных отделов. Да что там, даже фото у ёлочки не сделала!

За окном с громким хлопаньем взорвались первые петарды, донеслись улюлюканья и смех. Народ гуляет, веселится. А у меня на душе словно помелом всё выскребли. Такая странная опустошенность... На глаза вдруг попалась карточка, белеющая на стуле. Неужто свекровь расщедрилась на открытку? Бездумно протянула руку, чтобы взять, рассмотрела изображение и вздрогнула: сквозь снег прямо на меня шла девочка с блестящими чёрными волосами, в простеньком сером пальто и струящемся бирюзовом платье. Она смотрела дружелюбно, с интересом и робко улыбалась. Почему-то я

сразу поняла, что это та самая Машенька — пропавшая в неизвестном направлении из Центра творчества девочка, и почувствовала, что не могу её вот так оставить одну.

— Лидия Степановна, погодите! — крикнула во всю силу лёгких и бодро, чуть не вприпрыжку, поковыляла к двери.

В прихожей уже никого не было, и сердце пропустило удар. Неужели... По привычке следака кинулась к следующей точке и обнаружила у лифтов и мужа, и свекровь. В такие моменты стоило поблагодарить систему грузоподъема, которая часто бесила из-за долгого ожидания, зато сейчас, возможно, спасла одну жизнь. Честь и совесть так точно.

— О, невестка, всё же явилась, — едко прокомментировала Лидия Степановна, вызывая зубовой скрежет. — Я уже вызвала такси до центра. Едемте.

Как же раздражал этот покровительственный тон! Однако поехала, куда деваться, сама же вызвалась. Только метнулась за пальто, шапкой с варежками и, конечно же, тростью. Набалдашник в виде совы хоть немного примирял с ситуацией. В конце концов, не только средство для передвижения, но и предмет самообороны.

Одиннадцать часов до Нового года

Центр творчества оказался старым советским зданием, приземистым, серым и грубым. Местные маляры постарались скрасить это впечатление рисунками на стенах, только вот кожа ребятишек отдавала зеленцой, будто те отравились, а у зверушек вокруг глаз темнели круги. Может, конечно, такой эффект возникал из-за освещения, но выглядело, прямо сказать, жутковато. Готовая декорация для хоррор-фильма.

Рядом с крыльцом тарахтел и вибрировал уазик. Водитель слушал «Хит-парад» и громко хохотал, болтая по телефону. Ох уж эта полицейская братия...

За входной дверью находилась небольшая прихожка и перегородки, мешающие путь турникеты. Слева притулилась будка охранника, который больше смотрел в маленький телевизор, чем на экраны с камер видеонаблюдений. Он даже на деликатный стук не среагировал, пришлось прокашляться. И это ещё свекровь вперёд не выступила... Охранник, когда увидел удостоверение, подскочил, честь отдал, надо же. Но пользы от него, разумеется, не было никакой. Пропустил — и то хлеб.

Наверх вели крутые, ужасно неудобные лестницы с высокими ступенями. Пока найдёшь баланс тростью, пока рыв-

ком поднимешь себя... Эх, где моя молодость, где моя непростреленная ступня! Каждый шаг вызывал искры перед глазами. Даже захотелось найти заглазник с обезболом. А Лидия Степановна добивала:

— Да-да, невестка, актовый зал на втором этаже. Вам же нужно осмотреть место преступления.

Честно сказать, я не знала, а нужно ли, раз аж с собаками всё обыскивали. Но слишком устала, чтобы препираться. «Бравыми ребятами» оказались два зелёных юнца, которые топтались у перил, периодически успокаивая скулящих овчарок и косясь то в окно, то в смартфоны. По мне они скуляюще мазнули взглядом, пока не представилась:

— Капитан Ядвига Олеговна. Доложить обстановку.

— Есть доложить обстановку!

Ах, какие приятные для слуха слова! Завести себе, что ли, стажёра...

— Прибыли по вызову в одиннадцать тридцать, капитан. Пропала Маша Трубачёва, семь лет. Собаки брали след по сменной обуви и носовому платку, но след обрывается у центрального крыльца. При этом в раздевалке пальто и сапоги девочки не обнаружены.

— Свидетели? — уточнила на всякий, уже подозревая ответ.

— Отсутствуют. Педагоги и родители воспитанников не заметили ничего подозрительного.

Заметишь тут... Когда одновременно следишь, чтобы

твоё чадо не навернулось с подарком, отвечаешь на поздравления, диктуешь мужу, что купить, и прикидываешь, как адаптировать рецепт мексиканских тамале под российские реалии.

— Вольно. Раз в центре свидетелей нет, побегайте-ка по округе. Опросите собачников, мамочек с колясками, жителей близлежащих домов, кого угодно. Буду ждать от вас информации.

— Так точно, капитан Ядвига Олеговна!

Я махнула рукой, чтобы пошевеливались, и ребята бросились наутёк, словно наскипидаренные.

Наверху, в актовом зале, оказалось четверо взрослых: женщина в чёрном бархатном платье, полноватый мужчина с фотоаппаратом на груди и пожилая пара — бабушка и дедушка Маши. Все они встрепенулись при моём появлении, словно вышли из сонного оцепенения, и посмотрели с надеждой.

Только хотела поздороваться и представиться, как све-кровь опередила:

— Это моя невестка, следовательно Ядвига Олеговна Избушкина. Она поможет найти девочку.

Вот зачем вмешиваться, приплетать родственные связи и обещать то, что лично я не могу гарантировать? Лишь профессиональная выправка помогла сохранить лицо.

В ответ раздались возгласы, оханья и причитания. Спустя минуту я не выдержала шумового порога, прищкнула и рас-

спросила каждого о его роли в этом деле. Пожилая пара — Ирина и Николай Трубачёвы — и правда являлись опекунами Маши. Её мать лишили родительских прав два года назад из-за чрезмерного пристрастия к алкоголю. Возобновить общение с дочерью она не стремилась и в её жизни никак не участвовала. Екатерина Аркадьевна исполняла обязанности директора и несла прямую ответственность за исчезновение девочки во время праздника. А Сергей фотографировал детей, так что на фото могло попасть что-то интересное. С этого я и решила начать. От других толку было мало: бабушка с дедушкой на празднике не присутствовали, поскольку помещение небольшое и едва вмещало всех воспитанников. А у директора и без того хватало забот-хлопот, чтобы следить за одной конкретной девочкой, ничем не выделяющейся среди других.

На выносных картах память закончилась, и конкретно этот праздник хранился только на внутренней памяти фотоаппарата, поэтому долго искать не пришлось. Ноутбук или хотя бы планшет не помешали бы, но дорогая свекровь посчитала излишним нормально ввести меня в курс дела и предупредить о свидетелях.

Довольно быстро я нашла на кадрах Машу — всё в том же бирюзовом струящемся платье и с венцом, увенчанным восьмиконечной звездой, на голове.

— Видите ли, — директор поправила очки, и я с удивлением обнаружила, что одна из дужек сломана, — у нас Твор-

ческий центр с православным уклоном, поэтому куда важнее Рождество, а не Новый год. Но на каникулы многие уезжают, поэтому организовать праздник седьмого января крайне проблематично. Вот и приходится выкручиваться...

— А почему тогда Дед Мороз, а не святой Николай?

— Более привычный образ. — Екатерина пожала плечами, не видя никаких противоречий. — А Машенька у нас исполняла роль рождественской ёлочки. Мы ставили спектакль по мотивам легенды, когда ёлка стала главным символом праздника за скромность и преданность Господу.

В конце она перекрестилась заученным слитным движением, и на собранных в горстку пальцах мелькнули следы чернил. Прямо перед праздником вела занятия? Укладка, бархатное платье, и тут такое...

— Просто чудесно, — прокомментировала, надеясь, что прозвучало без иронии, и углубилась дальше в фотоснимки.

На одном из них внимание привлёк аниматор в костюме медведя из знаменитого мультика. Уж очень выбивался образ из общей картинки, даже с учетом Деда Мороза и Снегурочки: у тех хоть костюмы под старорусский стиль заточены, а тут — современная современность. Медведь стоял у стенки за декоративным лесом, так что не сразу бросался в глаза, но всё-таки не настолько, чтобы быть массово проигнорированным педагогами и — тем более — детьми.

— Кто пригласил аниматора?

— Какого аниматора? — Директор встрепенулась, выпря-

милась, а когда я показала ей снимки, выдохнула и махнула рукой. — А, это Ермоша, он аутист. Прекрасно владеет искусством леттеринга, но до истерики боится шумных праздников. Долго не знали, что и как с ним делать: жалко же... А потом придумали фокус с костюмом! В нём Ермоша как бы под защитой и уже не совсем Ермоша... ну, это как в игротерапии.

— Да, понимаю, сама играю в народном театре, — допустила в голос теплоты и не удержалась от вопроса: — Он ваш сын?

Екатерина удивлённо распахнула глаза, так что указала ей на её же пальцы. Женщина уставилась на чернильные следы с блеклой улыбкой и покачала головой.

— Племянник. А вы и правда профессионал, Ядвига Олеговна. Далеко не каждый столь быстро соотнесёт детали.

— Я могу с ним поговорить? Такие дети могут подметить куда больше других.

— Боюсь, это невозможно. — Екатерина стала вдруг протирать очки, и за ресницами мелькнули слёзы. — Ермоша не говорит, и родители уже давно увезли его домой. Мы специально решили не вмешивать в дело воспитанников, сами понимаете, какая цена детских показаний.

Я понимала: дети гораздо на выдумку, преувеличение и разговоры на посторонние темы, часто вскрывающие совсем не ту правду, что ищешь. Но с учётом обстоятельств на них была последняя надежда. На снимках воспитанники танце-

вали, декламировали стихи, Маша как рождественская ёлочка постоянно оказывалась на виду, а в конце спектакля и во все в центре хоровода. Только после суеты с подарками как испарилась.

Несколько раз я просматривала кадры, то увеличивая отдельные участки, то, наоборот, уменьшая до общего плана, и наконец нашла тот, где Маша мелькнула последний раз. При этом стояла она рядом с тем самым Ермошой в костюме медведя!

— Маша дружит с вашим племянником? — Указала Екатерина на фото и получила утвердительный кивок.

— Не то чтобы дружит: это сложное и неоднозначное понятие для аутистов. Но как-то вошла в его ближний круг. Даже не знаю, на почве чего — Ермоша, как уже говорила, всё с леттерингом возится, а Маша из полимерной глины лепит. Очень хорошо, стоит сказать, цветы как живые получаются. Разве что в одинаковые дни они в центре оказываются. Ну и Маша единственная, кто не шарахается Ермоши, не принимается сюсюкать с ним или уступать во всём. Спокойно общается, даже вопросы задаёт.

Наверное, Маша, с её семейной ситуацией, чувствовала себя такой же далёкой от мира, как и Ермоша. Заблудившиеся в реальности, они нашли опору друг в друге...

— Екатерина, как хотите, а мне необходимо поговорить с вашим племянником. Иначе мы так и не выберемся из чащи. Директор привычно замотала головой.

— Как уже говорила...

— В противном случае мы будем объезжать и опрашивать остальных воспитанников и, думаю, это понравится вам куда меньше, — разумеется, я блефовала, но знала, что звучу убедительно.

— Меня тогда попросят уйти...

— Это лучше, чем нести на себе груз ответственности за мёртвую девочку. Поймите, я правда хочу, чтобы Маша нашлась как можно скорее. Даже если она просто решила пойти домой сама и заблудилась, ей грозит обморожение. На улице минус тридцать, а у неё только пальто на рыбьем меху. Вы это понимаете? — старалась не кричать, но добавила в тон достаточно металла, чтобы все присутствующие прониклись ситуацией.

Бабушка Маши — сухонькая старушка в пуховом платке — судорожно охнула и принялась креститься дрожащими пальцами.

— Боже Правый! Спаси и сохрани нашу девочку!

— Да, Ирина, Николай, — переключилась на пожилую пару, — у вас есть связь с соседями? Кто-нибудь может проконтролировать и сообщить, вернулась девочка домой или нет?

— Мы в частном секторе живём, — отозвался дед Маши: достаточно высокий мужчина с пронзительными голубыми глазами и разросшимися бровями, свисающими смешными кисточками с боков. — С соседями особо не знаем, стра-

на развалилась, не то что раньше... Праздник ещё на носу, кто помогать станет? — Он махнул рукой. — Но в доме эта, умная колонка есть. Сын подарил к празднику, сказал, чего мы как из дремучего леса. Машенька с ней быстро разобралась, девка она шустрая, сообразительная. Уже бы связалась с нами, коли в дом попала.

— У неё есть ключи?

— Нет, но у нас запасной ключ припрятан. Не под ковриком и не в горшке, это я настоял! А калитка вовсе на проволоке, только в нужную сторону прокрутить. Маша знает как.

— Хорошо. — На самом деле, хорошего было мало, но не могла же я ещё больше сыпать соль на раны. — Екатерина, так что?

— Ладно, — сдалась директор. — Я позвоню сестре, уточню, можно ли приехать.

— Не уточните, а настаите.

— Хорошо... — Она сокрушенно вздохнула и отошла в сторону, на ходу доставая айфон из брендового кожаного клатча.

Всё-таки странное дело. Если это похищение, то куда более лакомой добычей казался племянник Екатерины Аркадьевны. Тут и требования по центру диктовать можно, и на крупную сумму денег претендовать.

А кому выгодно красть девочку, находящуюся под опекой

пенсионеров? Только её родителям. От необходимости получить субсидии до банального шантажа. Или дело вовсе не в деньгах. Просто в алкогольном угаре нахлынула ностальгия по родной кровиночке, так что срочно захотелось вместе отпраздновать Новый год. Вполне правдоподобная версия. Насчет отца я сомневалась: питала ли Маша к нему тёплые чувства? А вот к матери девочка пошла бы без вопросов. У детей часто нет оценки, насколько запущено живут их родители, они всё априори воспринимают правильным и любят безусловно, сколько бы боли им ни приносили...

Конечно, не стоило забывать про чёрный рынок, торговцев органами и рабство. Эту ветку пусть «бравые ребята» отрабатывают штатно, но мне интуиция подсказывает, что рыть надо в другом направлении.

— Ирина, Николай, — я сделала паузу, привлекая внимание и собираясь с мыслями, после чего осторожно продолжила: — у вас же есть контакт с матерью Маши? Вы созваниваетесь время от времени?

— Только с праздниками поздравляем да с днём рождения, всё-таки дочь родная, да простит Господь ей все прегрешения вольные и невольные. — Ирина снова перекрестилась и устремила взгляд к небу.

— Наташа у нас умненькая! Медицинский закончила. Диссертацию писать начала. А связалась с этим... тьфу. — Николай покачал головой. — Ирод проклятый, загнобил нашу девочку. Никуда не пускал, даже с подругами в кафе, всё

время следил за ней, выговаривал почём зря. Вот и не выдержала, пить начала. Сначала перед сном, чтоб нервы успокоить, в кофе по утрам, и понеслось...

— Она в официальном разводе? Как давно разошлась с мужем?

— Да они и не были женаты, прости Господи, сколько лет во грехе жили! Зато и прав на Машеньку у Игоря нет. Побуянил, конечно, судом грозился, да быстро успокоился. Вроде новую себе пассию нашёл, его жизнью и не интересовались особо.

— Понятно. — Я сделала пометки в блокнот и протянула его Николаю: — Напишите, пожалуйста, адрес и телефон Наташи. Необходимо проверить, не забрала ли она Машу после праздника.

— Да оставьте! — Николай рубанул ребром ладони. — Она чуть не со вчерашнего вечера в загуле. Я ей когда звонил — уже у неё язык заплетался. В таком состоянии она даже до магазина с трудом доходит, не то что смогла бы примчаться на другой конец города. Зачем ей это? Наташа про Машеньку и не вспоминает сама.

— И всё-таки я настаиваю. — Натянув на лицо профессиональную улыбку, продолжила подпихивать блокнот. В следствии не всегда побеждала логика, поскольку люди способны на многие импульсивные поступки.

Николай ещё поотпирался, но, поняв, что меня не переупрямишь, крупными округлыми буквами оставил заветную

запись.

— Ядвига Олеговна, прошу прощения... — Директор вернулась, цокая каблуками и отводя взгляд. — Сестра не даёт добро. Сказала, Ермоша слишком переутомился, у него эмоциональный перегруз. Ваш визит, скорее всего, будет встречен истерикой. Увы, я знаю, как сильно его может накрывать и как трудно привести обратно в чувства. Он и так живёт на таблетках, так что...

— Я поняла.

— Извините, я правда пыталась! Но... — На щеках женщины вспыхнули алые пятна. — Ермоша — трудный ребёнок, пожизненный инвалид, и...

— Екатерина, — смягчила тон, — не нужно оправдываться. Мы обязательно найдём другой выход.

Та в ответ слабо улыбнулась и перестала стискивать смартфон до побелевших костяшек.

— Простите, а я могу уже идти домой? — робко подал голос фотограф.

— А вот и он!

— Кто он? — Сергей выпучил глаза и обернулся через плечо.

— Выход, — спокойно резюмировала и смерила фотографа взглядом, отчего тот поёжился. — Нет, Сергей, я попрошу вас ещё задержаться, а вы, Екатерина, просмотрите кадры и скажите, нет ли где незнакомых взрослых. Как директор вы наверняка знаете всех подчиненных в лицо.

— Да, конечно. — Екатерина серьёзно кивнула, а Сергей сокрушенно вновь подал фотоаппарат.

— Только там батарейка садится, уже одна палочка осталась...

— Думаю, Екатерина справится быстро. — Подбадривающе улыбнулась, помня о суперспособности педагогов сканировать большое скопление людей. Во время праздника хватало фоновых дел, но сейчас-то директор максимально сосредоточена на задаче, нужно лишь подождать.

— А вы и правда не безнадёжны, невестка.

Я чуть не скривилась от этого замечания. Уже и забыла, что дражайшая свекровь никуда не делась, просто на время ушла в переписку с подругами и бывшими коллегами. А сейчас вынырнула в реальность.

— Мне дали звание капитана не за боевое ранение, Лидия Степановна, — сухо отозвалась я.

— Ах, ну да, ты же на работе с утра до ночи пропадаешь, несмотря на «культяпку». Могла бы уже на пенсию выйти, с внуками бы нянчилась, Лёше больше бы внимания уделяла. Но нет, у тебя же амбиции!

— Может, вам такси до дома вызвать? О Лёше позаботитесь, — передразнила, даже не скрываясь. — Он наверняка волнуется, соскучился по вам. Наговоритесь, всё обсудите... Вам-то зачем себя праздника лишать, раз я тут застряла на неопределённый срок?

— Ну уж нет, невестка. — Свекровь ядовито улыбнулась и

приосанилась. — Такое приключение я пропустить не могу. Соседкам хвастаться буду. Правнукам рассказывать!

Я чуть не застонала и еле сдержала желание побиться лбом о стену. Ну за что мне это? Ладно бы свекровь хоть один дельный совет подкинула, ладно бы что-то путное сказала. А так что, будет мне всю дорогу на мозги капать? Я ж не выдержу!

— По закону Российской Федерации следствием может заниматься только следователь без вмешательства посторонних лиц.

— Невестка, ты белены объелась? Какое я такое постороннее лицо?

Предсказуемая реакция... Но я хотя бы попыталась.

— Вот, нашла! — Екатерина приближалась к нам. — Эту женщину я ни разу не видела, на празднике тоже не припомню... Хорошо, что в объектив попала.

— Давайте скорее! — Протянула я руки к фотоаппарату, но стоило тому оказаться у меня в руках, как экран три раза вспыхнул, и погас. Взгляд зацепил только размытые зелёно-жёлтые пятна. Ну что за невезение. — Сергей, а запасного аккумулятора у вас нету?

— Увы, я предупреждал. — Тот развёл руками. — Второй праздник за день, под ноль все запасные высадил. Теперь только до дома.

— А дом далеко? — спросила без особой надежды.

— Отсюда минут двадцать, плюс ещё подождать, пока

подзарядится. На это минут десять-пятнадцать надо.

— Так чего вы ждёте? Едем скорее!

— То задержаться, то чего ждёте... Женщины! — сокрушённо бурчал под нос фотограф, уже направляясь к выходу.

То-то же. Пока не прикрикнешь, никто шевелиться и не начнёт.

— Извините, уважаемая, — Николай деликатно кашлянул в кулак, — а нам что делать?

— Тоже ехать, — резюмировала, не долго думая. — В конце концов, пропала именно ваша внучка.

Свекровь уже и сама спускалась по лестнице. А мне, как ни крути и ни подбадривай остальных, ещё требовалось подготовиться к этой экзекуции...

Десять часов до Нового года

Внизу я поняла просчёт с бравыми ребятами, которых отправила по поручению раньше времени. Уазик бы сейчас здорово пригодился... У фотографа тоже оказалась машина, но ехать на жигулях вшестером — это не столько даже нарушение правил, сколько просто смертоубийство. Пару минут ушло на сделку с совестью: директор нужна была для указания на подозреваемую, пожилая пара для опознания, а я для дальнейшего расследования. Зато появился отличный повод избавиться от свекрови.

— Лидия Степановна, Лёша за вами приедет, не переживайте. Я ему позвонила, он собирается и приедет как можно скорее.

— А почему нам не подождать его вместе? Там тебе всяко удобнее будет, невестка. — Свекровь недвусмысленно покосилась на мою многострадальную ступню.

Знала, куда метить... В нашей машине и ногу можно вытянуть, и сиденья шире и мягче, и в целом просторнее. Но я прежде всего профессионал.

— Мы не можем терять ни минуты, подвергая жизнь девочки опасности, поэтому трогаемся уже сейчас. — Распахнув дверцу жигулей, обернувшись, окидывая взглядом одинокую фигуру женщины в модной каштановой шубке и мохнатой шапке на фоне серой советской громады. — Не стойте

на морозе, мама.

— Уж как-нибудь сама решу. — Она фыркнула и скривила губы, и в глазах будто что-то мелькнуло или блеснуло... У меня правда не осталось времени разбираться с её обидами, чаяниями или претензиями. Хотя на душе всё равно скребли кошки. Ненавижу это чувство!

— Трогайте! — Хлопнула я дверцей и отдала короткий понятный приказ.

Дело, у меня есть важное дело. А о том, что попросила мужа занять свекровь разговорами и всеми правдами-неправдами отвезти домой, старательно не вспоминала. В конце концов, так будет лучше для всех. И сбережёт мне нервные клетки.

Через полчаса дружной гурьбой мы оккупировали кухню Сергея, который извинился за беспорядок, ткнул в чайник и пошёл разбираться с аккумуляторами для фотоаппарата.

Жилище его оказалось типичной берлогой холостяка — однокомнатная квартирка с полами второй свежести и полным отсутствием милых безделушек. Зато в ванной — полная стерильность и всё для проявления фотографий: ванночки, лампы, щипцы... На проволоке сушились фото девочек на фоне зимних пейзажей. Что-то мне это напоминало, но на ум упорно лезли только советские открытки.

Никто особо не знал, о чём говорить. О празднике не хотелось, на отвлечённые темы тоже. Каждый беспокоился за Машу. Как она, где она, не мёрзнет ли, не голодает ли? Худ-

шие варианты старательно отметались. В мире хватало извращенцев, но сейчас мороз, пожалуй, казался страшнее.

С мыслями об особо лютой зиме я изучала холодильник, на котором красовались магниты внезапно с «Комиссаром Рексом» и список продуктов. Список относился то ли к тому, что надо купить, то ли к тому, что уже есть внутри, но в любом случае большую его часть составляли полуфабрикаты. Сюда бы дородную хозяйшку, вдову или разведёнку, быстро в порядок всё приведёт. Я даже знала пару подходящих кандидатур из народного театра.

Ой, Ядвига, только свахой тебе быть и не хватало... Хотя опыт точно получится незабываемый.

Наконец, на кухню зашёл хозяин квартиры, и все одновременно вострепнулись, будто Деда Мороза увидели.

— Готово. Подсоединил фотоаппарат к ноутбуку. Сможете на большом экране посмотреть. Только заново найти фото придётся...

— Без проблем. — Екатерина поправила очки, показывая боеготовность. Уважаю.

Сергей метнулся за техникой и пристроил прямо на кухонном столе. Екатерина шустро прокрутила колёсико мыши вниз, пара щёлчков — и на экране появилась фотография зрительного зала. В основном ряды заполняли воспитанники центра, но с десятков взрослых тоже имелось. Преимущественно женщины, и лишь один мужчина, охранник. Как это типично для образовательных организаций...

Директор увеличила одну из женщин, и тут бабушка Маши вскрикнула.

— Наташа!

Я тоже вострепелась. Сошлось! Самое первое предположение даже по статистике оказывалось самым верным. Это всякие сериалы запаривали людям мозг и выстраивали невозможно сложные связи. Сейчас поедem по добытому адресу и...

— Лет десять назад, — вдруг добавил дед с какой-то грустной задумчивостью.

— Что вы хотите этим сказать?

— Так наша дочь выглядела, ещё когда в институте училась и даже не думала становиться матерью. Блеск в глазах, румянец на щеках и светлое будущее впереди... — Николай пожевал губу, наверняка вспоминая те далёкие дни, когда он мог гордиться дочерью. — Уже через два года она сильно изменится, похудеет, круги под глазами появятся и вечная настороженность, зашуганность.

— Бедная наша девочка! — Ирина вдруг бухнулась на колени и возвела руки к небу. — Не ведает, что творит! Да смилостивится над ней Господь!..

— Ирина, перестань. — Николай дёрнул жену за руку. — В храме своём падать ниц будешь. А тут чужая кухня, вокруг люди... Не позорься.

— Согрешили мы пред Господом, Никоша, ой как согрешили, — Ирина мотала головой, не поддаваясь на уговоры

встать, и из глаз её лились неподдельные слёзы. — Когда иконы плакатами комсомольскими заклеивали да в храмах кино смотрели, по могилам маршировали! Вот и наказал нас Господь, искупления требует...

— Да это когда было. Глупости всё. — Николай насупил брови, и чувствовалось, что это не первый их подобный диалог. Даже странно, что только сейчас «рвануло». Николай явно был далёк от религии, но позволял любимой жене эту «блажь». — А вот за дочкой не уследили, факт. Ведь почти договорились с Прокофьевыми, что с их сыном обручится. Потомственный кардиолог, начитанный, гроссмейстер. Но нет! Дали ненужную свободу, чтобы сама себе выбрала спутника жизни. По любви! — как она уверяла. Теперь расплачиваемся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.